Значительная часть фолианта Йехинатала была посвящена магии призыва груд костей.

Если перечислить типичные способы их применения, то после призыва и придания определённой формы груде костей, из неё можно было сотворить такие заклятия, как Костяная паутина, Костяной щит или Костяная стена.

Костяная паутина образовывала длинную полосу из костей, предназначением её было расположиться на пути противника и затруднить преследование. Сила, сцеплявшая кости меж собой была не бог весть какая, так что против могущественного противника польза от данного заклятия стремилась к нулю, однако ограничить движения большинства врагов оно всё же могло.

Костяной щит, как и следует из названия, формировал прочный щит из костей, которым можно было блокировать атаки врага, ну а Костяная стена создавала стену из подобных щитов, и единственное её отличие от предыдущего заклинания было в том, что применялось оно по широкой площади.

После уверенного освоения этих трёх видов заклинаний, следующим этапом считалась Костяная сеть – призыв, способный создавать из костей доспех. Костяная сеть была одним из излюбленных заклятий Йехинатала, но в данной книге ещё не описывалась.

На первый взгляд, Костяная стена казалась более сложным заклятием, поскольку работала по площади и потребляла большое количество маны, но на самом деле Костяная сеть была намного сложней. Это заклинание более высокого порядка, требующее от призывателя умения точно рассчитывать и распределять потоки маны, поскольку при призыве приходилось учитывать человеческую комплекцию.

Как уже объяснял Йехинатал на примере призыва голема, сперва требовалось распределить ману, учитывая телосложение человека, затем призвать входящий в состав костей элемент, после чего увеличить и заполнить структуру маной, так что заклятие это, несомненно, требовало гораздо более высокого уровня мастерства, чем та же Костяная стена.

Но конечно, в сравнении с големом, при создании которого следует учитывать так же и положение суставов, Костяная сеть тоже покажется заклятием более лёгкой весовой категории. Если ученик научился без проблем призывать Костяную сеть, то может смело называть себя некромантом среднего звена, ну а когда станет способен безошибочно накладывать данное заклинание не только на себя, но и на других людей, то сможет утверждать, что превзошёл средний уровень.

Благодаря упорным тренировкам под руководством Йехинатала, Широн уже немного умел призывать кости. Благодаря дотошно описанному Йехинаталом способу распределения маны, Широн смог без труда освоить все заклинания книги вплоть до Костяного щита. И пусть у него пока что недоставало количества маны для того, чтобы призвать полноценную Костяную стену, но даже в усечённом варианте она могла стать хорошим подспорьем.

Вообще, распределение маны – это довольно сложный и трудный для понимания раздел, однако Йехинатал сделал всё, чтобы облегчить задачу – разложил буквально по полочкам, объяснил саму суть. Именно в этот момент стали очевидны титанические усилия, приложенные старым некромантом.

Написанная им книга была составлена так, чтобы магию могли понять и применить, а уловив суть одного заклинания – без проблем перейти к следующему. Наверное, если когда-нибудь в мире появится академия некромантии, то данная книга станет первоклассным учебным

пособием для всех некромантов, с начального по средний уровень.

Это в настоящее время некроманты обучали своих учеников безо всякой системы, в собственных тёмных пещерах либо подземных катакомбах, но кто знает, возможно, когда-нибудь и они соберутся вместе и, подобно другим магам, учредят собственную академию?

Помимо вышеперечисленных заклинаний – Костяной паутины, Костяного щита и Костяной стены, книга была дополнена заклятием Липкое нанесение и призывом Скелета-лучника.

Липкое нанесение являлось одним из наиболее полезных приёмов, используемых некромантами-новичками. Оно призывало липкое вещество под ногами врагов и замедляло их передвижения.

Призыв же Скелета-лучника был более продвинутой версией призыва обычного скелета, поскольку в отличие от последнего, мог стрелять из лука, атакуя врага с дальней дистанции, что весьма полезно на открытых пространствах, например, в поле.

К настоящему моменту Широн был способен призвать семерых скелетов, и если бы у него получилось улучшить их до Скелетов-лучников, то это серьёзно увеличило бы его атакующий потенциал.

Для начала Широн выучил назубок способ распределения маны и внимательно перечитал параграфы, относящиеся к Липкому нанесению, Костяной паутине и Костяному щиту. Ему казалось, что данные заклятия можно выучить за довольно небольшой промежуток времени, а потом без проблем комбинировать с остальными способностями.

Тщательно перебирая в голове, каким образом можно применять эти заклинания на практике, Широн шаг за шагом приближался к тому, чтобы стать, наконец, полноценным некромантом.

«А-ах!»

Откупорив изящными длинными пальцами пробку прозрачного флакона, женщина поднесла его к ноздрям, сделала глубокий вдох и расслабленно выдохнула с блаженным выражением лица.

Отняв флакон от ноздрей, она быстро провела розовым языком по алым губам, а затем прикрыла свои длинные ресницы и вновь приблизила флакон к носу.

«Вот она, сила панацеи!.. Ах, какая прелесть! Тело и разум сразу становятся лёгкими, и груз прежних эмоций перестаёт терзать меня!»

С восхищением на лице, она немного повертела флакон в руках, а затем её тело вдруг выгнулось дугой, и женщина расхохоталась.

«Хо-хо-хо! Щекотно же, дитя!»

Когда её тело затряслось от хохота, тонкий пеньюар плавно соскользнул, открыв гладкую белоснежную грудь.

Несмотря на возраст, благодаря постоянному уходу, её грудь совсем не потеряла форму и казалась упругой и привлекательной.

Прозрачный пеньюар, похоже, и не стремился прикрывать потаённые места хозяйки,

поскольку окончательно разъехался в стороны и обнажил не только грудь, но и осиную талию, пупок и отчасти то место, откуда брали начало ноги.

Белоснежная грудь, грациозные изгибы тела – её полуобнажёнными формами можно было любоваться, словно произведением искусства. Женщина была столь прекрасна, что могла заворожить любого мужчину.

Однако низ живота – самое волнующее зрелище – всё ещё бессердечно прикрывало плотное фиолетовое покрывало.

Но тут из-под него выбрались две изящные руки, мягко скользя по коже поднялись вверх по телу и обхватили упругие, колышущиеся груди.

«Ммм… А-ах!»

Наслаждаясь прикосновениями того, кто скрывался под покрывалом, женщина вновь изогнулась, а затем снова поднесла к лицу флакон. Всякий раз, когда женщина вдыхала аромат панацеи, взгляд её моментально терял фокус.

Однако, хоть от лекарства и путались мысли, зато каждая клеточка тела словно оживала и начинала чутко отзываться на прикосновения нежных рук.

Кровь в венах вскипела, распаляя жар пламенной страсти!

Чувство, которое, как ей казалось, давным-давно в ней угасло, снова возродилось из пепла, опаляя огнём. Пламя дразнило жаркими языками, искушало словно демон, лишая остатков разума…

«А-ааах! Б-больше не могу… Быстрее! Быстрее! Быст-ре-ее!»

В голове пророкотал раскат грома, тело принялось дрожать, словно лодка, подхваченная неумолимой волной цунами.

И в этот миг к её телу потянулась ещё одна пара рук и сняла покрывало, затем возникла ещё одна и принялась нежно массировать изящные ноги…

На огромной, роскошно украшенной кровати изгибалась в порыве страсти обнажённая женщина, которую обвивали шесть нежных рук. В плену сладострастия её губы слегка приоткрылись. Этот облик был подобен красавице из легенд, отданной на растерзание Гидре, или роскошной бабочке, которую пытается обвить паутиной коварный паук.

…Из-за нескольких слоёв занавесей, чуть приоткрытых с одной из сторон, посверкивали чьи-то глаза.

Эти прекрасные очи, с чуть загнутыми кверху кончиками ресниц, придававшими взгляду дерзкое выражение, сейчас были печальными, словно у дикого оленёнка.

Если бы кто-нибудь увидел это лицо со стороны, то заметил бы едва заметные дорожки слёз на щеках, и слегка опущенные уголки губ. А внимательно всмотревшись в эти утончённые черты, смог бы понять, что оно чем-то неуловимо похоже на лицо лежащей на кровати женщины.

Владелицей этих печальных глаз была принцесса Исирис.

Женщина, что была выдана замуж по расчёту и отправлена в далёкий Джоран; лишившись

мужа, побывала в руках его младшего брата, а теперь вернулась во дворец Меккана, где ей прочили первое место в списке кандидатов на пост следующего императора. Женщина, что взойдя на трон, вскоре могла править огромной Ноабской империей!

Но сейчас она была всего лишь дочерью второй императрицы, которая угодила в западню архиепископа, увязла в наркотическом дурмане и сексуальных излишествах, и которым не могла уже сопротивляться. Принцесса с жалостью смотрела на грехопадение матери, и ей казалось, что сердце вот-вот разорвётся от боли…

Фш-шш…

Бескрайние тёмные тучи затянули небо над Мекканом и поливали столицу потоками ливня.

Вообще, дожди на большей части Ноабской империи явление не такое уж частое. Даже в плодородных областях, вроде Меккана, среднегодовое количество осадков невелико, а уж о Джоране и прочих пустынных регионах и говорить не приходится.

Однако с началом сезона дождей сильные ливни были непременным атрибутом Меккана, из-за них Фраюс ежегодно выходил из берегов и подтапливал окрестные земли.

Похоже, что в этом году сезон дождей решил начаться раньше обычного, поскольку в окрестностях города дождь шёл уже несколько дней, а теперь и вовсе принялся поливать как из ведра.

С началом дождливого сезона все чиновники и министры, не говоря уже о самом Аль Маджали – человеке, ответственном за борьбу с паводками, становились ужасно занятыми. Следовало принимать меры по возмещению ущерба, нанесённого гражданам, упреждать происки Арманской империи, что могла воспользоваться моментом для вторжения, следить, чтобы не пострадали собственные наделы… в общем, времени не оставалось даже на сон.

С этого момента и до самого конца сезона дождей повышалась и нагрузка на священников храмов Амека. Повышенная влажность способствовала бурному развитию болезнетворных инфекций, и взывать о помощи к священникам начинали буквально со всех сторон.

Даже у архиепископа не оставалось сил, чтобы вмешиваться в дела императорской семьи, поскольку всё своё время он вынужден был участвовать в священных ритуалах и молиться, чтобы стихия не нанесла большого вреда.

И раз уж заняты были все – и архиепископ, и Аль Маджали, и прочие министры, то вопрос о назначении следующего правителя отложили в долгий ящик.

Архиепископу нужно было время, чтобы разобраться с Хейо, эмирам – чтобы решить, по какую сторону баррикад относительно него занять свои позиции, поэтому наступлению сезона дождей обрадовались все.

Как бы то ни было, но из-за этого в императорском дворце воцарилась тишина. Нет, воздух и здесь был наполнен шумом дождя, однако непрекращавшийся галдёж министров утих.

В этот период обязанности дворцового гарнизона заметно упрощались. И хоть всё время осматривать дворцовые стены на предмет ущерба от разгула стихии несколько утомительно, это было куда интересней, чем ежедневно досматривать разъезжавших туда-сюда с надменными рожами министров. По крайней мере, в дождь никто не докапывался по мелочам.

Сегодняшней ночью Широн заступал в караул.

Обычно в ночное время, после того, как командир гарнизона сдавал свою смену, контроль над охраной внешних стен переходил адъютантам.

Но Смендес не спешил возлагать свои полномочия на Широна. И было это вовсе не потому, что он таким образом проявлял заботу о младшем брате Аль Маджали – просто он не мог Широну, или, точнее, Рахману, доверять.

Однако сегодня тот вызвался добровольцем и попросил включить себя в очередь на ночной караул. Растерявшийся Смендес не смог подобрать подходящей отговорки и потому, пусть и с недовольным видом, дал своё согласие.

Выражение лица Смендеса было обеспокоенным и с одной стороны как бы говорило: «Да что не так с этим парнем?», а с другой: «Не собрался ли он совершить какую-нибудь пакость – пробраться в гарем императора, к примеру?»

Почему то в глубине души Смендес был практически уверен, что негодник решил пробраться именно в гарем императора.

От взгляда командира гарнизона Широн украдкой поёжился. Он и в самом деле собирался нынешней ночью проникнуть в гарем императора и встретиться там с принцессой Исирис. Упустить подобную возможность он просто не имел права.

…К полуночи дождь усилился настолько, что освещавшие окрестности дворца факелы занесли внутрь.

С головой закутавшись в плащ, пошитый из тростниковых листьев и основательно пропитанный маслом, Широн покинул караульный пост. За каждым из подчинённых он закрепил определённый участок крепостной стены и наказал глядеть в оба. Себе он тоже выделил участок и теперь как раз направлялся к нему. Стоит ли говорить, что именно в этом месте наружная крепостная стена соединялась со стеной внутреннего периметра?

«Фьюи-ить! Фьюи-ить…» – После того, как все солдаты разошлись, вдоль внешних стен дворца в ночи стал раздаваться периодический свист патрульных.

Из-за того, что при ночном обходе узнать друг друга в темноте было трудно, они дули в специальные свистки, обмениваясь таким образом условными сигналами.

Когда Широн тихонько перемахнул через стену внутреннего дворца, до него из-за пелены дождя стал доноситься свист уже другого толка.

Сигналы на территории внутреннего дворцового комплекса отличались от тех, что подавали солдаты внешнего периметра. И если беспечно бродить по внутреннему периметру не зная данного сигнала, то это верный способ заполучить в своё тело пяток-другой стрел.

Широн притаился в тени крепостной стены и сосредоточился на расшифровке сигналов. В недавнем прошлом, когда его привезли во дворец на встречу с архиепископом и принцессой Исирис, он сразу понял, что без понимания этой системы здесь ни мышь не проскочит, ни птица не пролетит.

Система шифров во внутреннем дворцовом комплексе оказалась куда сложнее, чем он рассчитывал. Даже обладая врождёнными способностями к разгадыванию подобных вещей, он

смог понять, что к чему, да и то с трудом, лишь на исходе второго часа напряжённого вслушивания.

Фш-шшш…

Он так долго находился под потоками ливня, что вода успела просочиться сквозь плащ и Широн основательно вымок. Этого было достаточно, чтобы пронял озноб, но Широн лишь съёжился под струями воды и остался сидеть под крепостной стеной внутреннего дворца.

Лишь только Широн разобрался с периодичностью и высотой звука свистков, он решительно снял с себя плащ и остальную одежду. Оставшись в чём мать родила, он быстро переоделся в сменный комплект, который всё это время держал за пазухой, чтобы не замочить.

Облачившись в форму солдат, патрулирующих внутренний периметр дворца, и набросив сверху плащ, он свернул промокшую одежду в узел и тщательно схоронил в укромном месте у крепостной стены.

Замаскировавшись, Широн вышел из состояния слияния с Тьмой и смело направил стопы в сторону гарема. С его губ то и дело вырывался сложный и неритмичный звуковой сигнал, что позволяло ему легко сойти за своего перед другими солдатами.

Поначалу он пребывал в лёгком замешательстве из-за запутанного, словно лабиринт, нагромождения стен внутреннего периметра, но вскоре сориентировался с направлением, и стало проще.

Планировку внутреннего дворца, вернее, той части, куда сам имел допуск, ему подробно обрисовал Аль Маджали, кроме того, Широна и самого уже однажды провезли через весь дворец до самой дальней части императорского гарема.

Когда он ехал в паланкине архиепископа, ему завязали глаза, но благодаря феноменальному чувству направления, даже по прошествии столь долгого времени Широн всё ещё помнил дорогу.

Вскоре показалась башня с золотым куполом. В свой прошлый приход Широн встречался с архиепископом и принцессой именно там.

Гарем, где проживали многочисленные женщины императора, также находился в самой глубине территории внутреннего дворца.

Планировка внутреннего периметра дворцового комплекса в целом была следующей – в самом центре располагался огромный, величественный дворец императора, территория слева, а также позади от него, где располагался сад, отводилась под гарем. По правую же сторону от резиденции императора находились дворцы поменьше – они предназначались его детям.

Ноабская империя славилась архитектурой и изысканностью вкуса, потому на территории дворцового комплекса было немало причудливых строений. И гарем – их типичный представитель.

Было устроено так, что все ведущие к гарему дорожки проходили близ резиденции императора, и, не пройдя мимо главного дворца, приблизиться к гарему было невозможно. Потому подобраться к женщинам императора было даже сложнее, чем к самому правителю или его детям.

Однако Широн направлялся именно в сторону гарема. К своему несчастью, он не знал, что паланкин, который доставил его во дворец на встречу с Исирис и архиепископом, высадил его не у резиденции принцессы, а у дворца второй императрицы.

Поэтому, по мере приближения, Широн всё сильнее качал головой, не понимая, почему окружающая местность так отличается от того, что описывал ему Аль Маджали.

Но обострённое чувство направления подсказывало, что это и есть тот самый дворец с куполом, и он продолжал движение без малейших колебаний…

http://tl.rulate.ru/book/104928/3680087